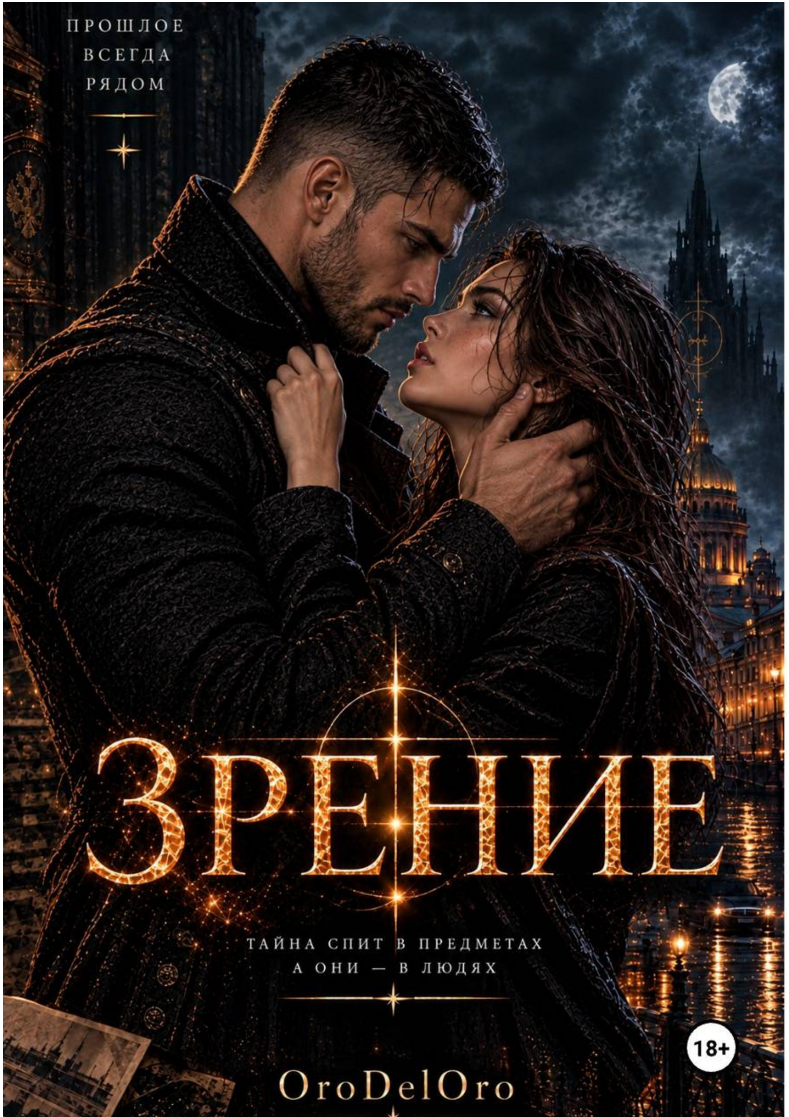

ПРОШЛОЕ
ВСЕГДА
РЯДОМ
ЗРЕНИЕ
ТАЙНА СПИТ В ПРЕДМЕТАХ
А ОНИ — В ЛЮДЯХ
18+
OroDelOro

Oro Oro

Зрение

https://litres.ru/74702744
SelfPub; 2026

Аннотация

Третья часть книги. Демиан и Юлия всё ближе друг к другу. Борьба со злом укрепляет их отношения.

Содержание

Зрение 4
Глава 1. Весна 5
Глава 2. Берг 21
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Oro Del Oro
Зрение

Зрение

Третья книга. Глава 1

Глава 1. Весна

Весна пришла в город так, как приходят после долгой болезни: неуверенно, с провалами, с внезапными улыбками.

В начале апреля лёд на каналах ушёл за одну ночь, и утром вода стояла чёрная, живая, с белыми облаками внутри. Из водосточных труб текло, звенело, шлёпало по асфальту. Дворники сбивали с крыш последние сосульки и ругались вполголоса, потому что одна из них, огромная, как шпага, упала в сугроб в сантиметре от чьей-то головы. Пахло сырой землёй, мокрым камнем и горячим хлебом из булочных. Я шла по Лиговскому, расстегнув пальто, и впервые за полгода не мёрзла.

Перчатки лежали в кармане. Левая, с зашитым пальцем, всегда со мной, по привычке, как лежит в сумке запасной ключ. Правую я не носила с декабря. Дамиан однажды сказал, что я ношу перчатку, как другие носят талисман, и был прав. Это уже не защита. Просто память о том, как хорошо мне было, когда я умела прятаться.

Я научилась не прятаться. Но другому, что случилось следом, я ещё не научилась.

Началось оно на прошлой неделе, в архиве. Пал Палыч попросил достать коробку с делами восемьдесят второго года, и я потянулась к полке, как делала сто раз. Но на полке между девятой и одиннадцатой коробками было пусто. Не

просто свободное место: именно пустота, плотная, как лист, из которого вырезали рисунок. Я не видела её глазами. Я видела её чем-то другим. Там что-то стояло, и это что-то исчезло, а полка всё ещё помнила его форму.

— Десятой коробки нет, — сказала я.

— Какой десятой? — удивился Пал Палыч. — У нас их девять в этом ряду.

Он был прав: девять. Я проверила по описи. Девять, всегда девять, с самого основания фонда. Но я стояла и смотрела на пустую полку, и пустота смотрела на меня.

С тех пор я начала замечать это везде.

В парадной на Фонтанке, где на лестничной площадке не хватало одного окна: ровно там, где по логике архитектуры оно должно было быть. На проспекте, у остановки, где между двумя деревьями зияло третье, невидимое, чёрно-белое, как негатив. В метро, на скамье, где никто не сидел, но спинка скамьи слегка выступала в одном месте, будто к ней кто-то прислонился.

Мой слух после Круга научился слышать ложь. А моё зрение, которого никогда не было, вдруг начало видеть то, чего нет.

Пропуски.

— Это нормально, — сказала Алина, когда я рассказала ей на очередном уроке. Она сидела на подоконнике своего класса, рядом с геранью, и грелась на апрельском солнце, как кошка. — Пока ты слышала, ты была как пианист. Теперь

ты учишься видеть, как дирижёр. Он видит не только то, что играют, но и то, что молчит.

— Я не дирижёр.

— Ты тот, кто читает паузы.

Я не стала спорить. Она, как всегда, говорила красиво и непонятно, но я привыкла: Алина всегда оказывалась права через неделю.

На Лиговку я шла в этот день за другим.

Вера жила в бабушкином доме с первых дней марта. Я отдала ей ключи в тот же вечер, когда Ланская распустила хор, потому что больше идти ей было некуда: ни семьи, ни денег, ни документов, ни сорока лет жизни за пределами белой комнаты. Дамиан нашёл через Артёма людей, которые за неделю выправили все бумаги, и теперь у Веры был паспорт, смешная фотография в нём и фамилия Огарёва, которую она сама выбрала из телефонного справочника.

Дверь мне открыла босая, в вязаном свитере, с растрёпанными светлыми волосами и тетрадью в руках.

— Юлия! — сказала она радостно. — Входи. Я сегодня лгала два раза.

— Лгала?

— Учусь. — Она отступила, пропуская меня в коридор. Он сильно изменился: на вешалке висели яркие куртки, в углу стояли чьи-то кроссовки, а на стене появился плакат с каким-то морским пейзажем. — Лариса сказала, что человек, который не умеет лгать, в этом мире беззащитен. Она

подарила мне книгу. Там сказано: надо начинать с мелочей.

Мы прошли на кухню. На столе лежала открытая тетрадь с аккуратным, детским почерком: «Упражнение 4. Сказать, что мне нравится суп, хотя мне больше нравится борщ». Рядом стояли две чашки, обе перевёрнутые донышком вверх, и, увидев их, я вздрогнула.

— Я хотела поставить, — сказала Вера, заметив мой взгляд. — Но не решилась. Они же её. Бабушкины.

— Ставь, — сказала я. — Они твои. Если ты хочешь.

Она посмотрела на меня серыми, очень светлыми глазами и вдруг улыбнулась. Взяла чашку и поставила. Донышком вниз. Налила в неё воды.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Это самое правдивое, что я слышала за день.

Сели. Вера отхлебнула воды, посмотрела на меня поверх чашки и торжественно произнесла:

— Сегодня у меня болит голова.

Я прислушалась.

Тонкая, чистая, кристальная нота. Правда. Ровная и звонкая, как камертон.

— Неправда, — сказала я.

— Правда?

— Нет, не болит. Но ты сказала это так, будто болит.

Вера нахмурилась.

— Я чувствую, что она не болит. Но говорю, что болит. Почему тогда нота не ломается?

— Потому что ты не веришь, что лжёшь. — Я не удержалась и улыбнулась. — Ложь это не слова. Это разрыв между словом и верой. Ты просто ещё не научилась держать разрыв.

— Сложно, — вздохнула Вера. — У тебя получается?

— У меня никогда не получалось.

— У меня тоже никогда не получалось, и мне не хочется. — Она засмеялась. — Но я хочу уметь. Хотя бы чтобы знать, как это.

Мы пили воду и смотрели в окно. Во дворе-колодце, в сером прямоугольнике неба, медленно опускалось солнце, и в окнах напротив зажигались первые лампы. Тихо, спокойно, по-весеннему. И мне вдруг стало так хорошо, что я не сразу заметила: Вера смотрит на меня.

— Что? — спросила я.

— Дом шепчет.

Я замерла.

— Давно?

— С конца марта. По ночам, на кухне. — Вера отодвинула чашку и положила ладони на стол. — Я сначала подумала, что это труба. Потом прислушалась. Это не труба. Это слова. Одно слово, всё время, одно и то же. Я не могу разобрать.

— Но ты же слышишь правду.

— Я слышу правду, когда кто-то говорит. А здесь никто не говорит. Здесь... — Она нахмурилась, подбирая слова. — Здесь будто забыли. Как будто слово произносили много раз, а потом стёрли, и осталось эхо.

Я встала. Подошла к стене, возле плиты, и приложила ладонь.

Дерево. Штукатурка. Время. Ничего больше.

— Не мне, — сказала Вера за моей спиной. — Тебе. Оно шепчет для тебя. Но слова ещё не приходят, потому что ты не слушаешь правильно.

— Как правильно?

— Не слухом. — Вера пожала плечами. — Ты теперь другая. Я чувствую. Ты слышишь и видишь одновременно.

Я хотела спросить, что она имеет в виду, но она уже встала и надевала свитер: ей нужно было идти на занятия. Вера записалась на курсы бухгалтеров, потому что где-то прочла, что бухгалтеры «много знают о том, кто что скрывает». Я проводила её до двери, поцеловала в щёку, и она убежала по лестнице, перепрыгивая ступени, как девчонка.

Я осталась на кухне одна.

Дом молчал. Но в этой тишине, спокойной и тёплой, я теперь слышала что-то ещё. Едва уловимое. Не звук: движение. Как будто где-то за стеной кто-то очень осторожно переставляет мебель.

Я вышла на улицу, когда уже начинало смеркаться.

Во дворе-колодце, под тонким слоем талого снега, стояла скамейка. Старая, зелёная, с облупившейся краской. Я проходила мимо неё сотню раз, и ни разу не видела, чтобы на ней кто-то сидел.

Но сейчас она была не пустой.

Я остановилась. Что-то на ней сидело. Не человек: контур. Тонкая светлая линия, как рисунок мелом на чёрной доске. Силуэт: опущенные плечи, склонённая голова, руки на коленях. Он сидел спокойно, терпеливо, как сидят те, кто ждёт давно и не надеется, что придут.

Я подошла. Села рядом. Не на него: рядом, на самый край скамьи, и почувствовала, как холод от старого дерева пробирается сквозь пальто.

— Здравствуйте, — сказала я.

Тишина.

Потом, совсем тихо, откуда-то из пустоты, куда не доставал ни слух, ни зрение, пришёл шёпот. Обрывок. Слог. Не слово: только его начало, как ниточка, за которую можно потянуть.

«...ась...»

«...ась. ...меня зовут...»

Я замерла.

— Я слушаю, — прошептала я. — Продолжайте.

Но шёпот оборвался. Фигура на скамье медленно растаяла, как тает дыхание на стекле, и осталась только пустота, лёгкая, холодная, с отпечатком чьего-то присутствия.

Я сидела так до самой темноты. Потом встала, застегнула пальто и пошла домой.

Домой. Это слово теперь значило другое место.

* * *

Дамиан вернулся в десятом часу.

Я услышала лифт, потом шаги, потом тихий щелчок замка, и всё во мне, как за последние месяцы, потянулось на этот звук, как цветок на свет. Он вошёл, бросил пиджак на кресло, расстегнул ворот. Лицо у него было усталое, но не измученное: усталость хорошо потрудившегося человека, а не вечного ожидания удара.

— Привет, глава дома, — сказала я.

— Не называй меня так.

— Почему?

— Потому что после этого я весь день слышу, как мне говорят «господин Дамиан», и начинаю думать, что я старый. — Он прошёл через комнату и остановился у окна, которое я открыла настежь. В комнату вливался тёплый апрельский воздух, влажный, с запахом талого снега и первых почек. — Тебе не холодно?

— Нет.

— Лжёшь.

— Чуточку.

Он рассмеялся и закрыл окно наполовину. Потом повернулся ко мне, и я увидела, что он смотрит на меня как-то особенно, внимательно, как смотрят на того, кто что-то скрывает, но очень плохо.

— Ты была на Лиговке.

— Откуда ты знаешь?

— От тебя пахнет тмином. — Он слегка улыбнулся. — И ты вернулась другой. Что-то случилось.

Я могла сказать «нет». Могла сказать «потом». Но я помнила свою клятву, и его: не молчать.

— Дом шепчет, — сказала я. — Ночью. Одно слово. Вера слышит, но не может разобрать. А я сегодня села на скамейку во дворе, и она была занята.

Он нахмурился.

— Кем?

— Никем. — Я села на кровать и обхватила колени. — Дамиан, я вижу пропуски. Места, где чего-то не хватает. Полка в архиве. Окно в парадной на Фонтанке. Скамейка, на которой кто-то сидит, а там пусто. Это не слух. Это... я не знаю, как назвать.

— Зрение.

— Наверное. — Я потёрла лоб. — Они шепчут. Не слова: начало слов. Одна скамейка сказала: «...ась... меня зовут...» и умолкла.

Дамиан молчал. Потом подошёл, сел рядом, взял мою ладонь. Не спрашивая. Теперь он не спрашивал, когда это было можно.

— Безымянные, — сказал он тихо.

— Что?

— Ты вернула из камня тех, чьи имена знала. Но их было сотни. Ты называла только тех, которых помнил камень. А остальные?

— Остальные остались.

— Значит, они ещё там. И ищут.

От его слов по спине пробежал холодок. Я смотрела на его руку на моей, и мне вдруг стало так странно: сидеть в тёплой комнате с открытым окном, слушать, как на карнизе стучит капель, и говорить о тех, кого нет.

— Я не хочу сегодня об этом, — сказала я.

— Хорошо.

— Ты не споришь?

— Нет. — Он улыбнулся. — Это первое, чему я научился за этот год: иногда «потом» это тоже ответ.

Я посмотрела на него. На серо-голубые глаза, которые больше не казались холодными. На морщинку между бровей, которая появилась за последние месяцы и которую я любила так, будто всю жизнь знала. На руку, большую, тёплую, с мозолью у основания большого пальца.

— Можно? — спросила я.

Это был его вопрос. Но теперь он стал нашим.

— Всегда, — ответил он.

Я поцеловала его.

Медленно. Без спешки, с тем особенным вниманием, которое появляется только у людей, знающих друг друга наизусть и всё равно каждый раз открывающих что-то новое. Он ответил, и его ладонь легла мне на затылок, а другая скользнула по спине, притягивая ближе. В открытое окно тянуло весной, и холодный воздух трогал кожу, и от этого его губы казались ещё горячее.

Я расстегнула его рубашку. Пуговицу за пуговицей, не от-

рывая рта от его губ. Он помогал мне: стянул рубашку через плечи, и она упала на пол. Я провела ладонями по его груди, по шраму над ключицей, по рёбрам, и почувствовала, как под пальцами глубоко и сильно бьётся сердце.

— Я люблю твоё сердце, — сказала я.

— Оно твоё.

— Я знаю.

Он стянул с меня свитер, и я осталась в тонкой майке, под которой не было ничего. Он замер на секунду, провёл пальцем по ключице, потом ниже, по линии груди сквозь ткань, и я судорожно вздохнула. Сосок под его ладонью сразу затвердел. Он наклонился и поцеловал меня сквозь ткань, горячо, влажно, и ткань прилипла к коже.

— Сними, — прошептала я.

Он стянул майку медленно, и воздух коснулся голой кожи. Я не стеснялась. Это было странно и прекрасно: не стесняться. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было ни привычной сдержанности, ни расчёта, только жадное, трепетное восхищение, как у человека, который не может поверить в своё счастье.

Он опустился на колени у кровати и взял мою грудь обеими ладонями. Целовал, ласкал языком, слегка прикусывал, пока я не запустила пальцы ему в волосы и не выгнулась, не в силах сдерживать стон. Горячая волна бежала вниз, от его губ к животу, к бёдрам, и там всё уже было напряжено, влажно, нетерпеливо.

Он расстегнул мои джинсы. Стянул их вместе с бельём, одним долгим, плавным движением. Я приподняла бёдра, помогая ему, и осталась перед ним совсем голой, на краю кровати, с раздвинутыми коленями, которые он мягко развёл ещё шире.

— Ты красивая, — сказал он, и голос у него сорвался. — Я никогда не устану это говорить.

— Тогда говори.

Он наклонился и поцеловал внутреннюю сторону моего бедра. Потом выше. Ещё выше. Дыхание у меня сбилось. Он коснулся меня языком, осторожно, потом смелее, и я закусила губу, чтобы не закричать. Он знал меня, знал каждый изгиб, каждую реакцию, и использовал это знание медленно, мучительно, с терпением человека, у которого впереди целая ночь. Язык двигался уверенно и нежно, пальцы раскрывали меня, и я чувствовала, как напряжение собирается внизу живота тугим горячим узлом.

— Дамиан. Пожалуйста.

— Ещё не сейчас.

— Я не могу...

— Можешь.

Он ускорился. Я вцепилась в простыню одной рукой, другой ему в волосы, и не смогла больше сдерживаться. Волна накрыла меня резко, горячо, судорогой, от которой дрогнули колени. Я закричала его имя, и мир на секунду стал только звуком: моим голосом, его дыханием, шумом крови в ушах.

Когда я открыла глаза, он смотрел на меня снизу вверх, с влажными губами и тёмным, почти чёрным взглядом.

— Иди сюда, — выдохнула я. Голос не слушался. — Сейчас же.

Он поднялся. Я потянула его на себя, неловко, нетерпеливо расстёгивая его ремень, пуговицу брюк. Он помогал мне, и скоро между нами не осталось ничего: ни ткани, ни расстояния. Тёплая кожа к коже, твёрдое, горячее прижималось к моему бедру, и я обняла его ногами, притягивая ближе.

— Подожди, — сказал он хрипло. — Я хочу...

— Что?

— Видеть тебя.

Он перевернул нас одним движением, и я оказалась сверху, на нём, с коленями по обе стороны от его бёдер. Он лежал на спине, тяжело дыша, с растрёпанными волосами и расширенными зрачками, и смотрел на меня так, словно я была единственным, что осталось в мире.

Я опустилась на него медленно. Он вошёл в меня, горячий, полный, и мы оба задохнулись. Я замерла, привыкая, упираясь ладонями в его грудь. Он положил руки мне на бёдра, не торопя, просто держа.

— Юлия.

— Я здесь.

Я начала двигаться. Сначала медленно, покачивая бёдрами, чувствуя, как он заполняет меня всю до конца. Потом быстрее. Он подался навстречу, и каждое движение отзыва-

лось глубоко внутри, в том месте, где всё было натянуто и чувствительно. Его ладони скользили по моим бёдрам, по талии, к груди, и я откидывала голову, отдаваясь ритму, который становился всё жарче.

Сквозь открытое окно доносился шум весеннего дождя. Он стучал по карнизу, по подоконнику, по крышам. А в комнате были только мы: дыхание, стоны, влажные звуки наших тел, скрип старой кровати.

— Я сейчас... — выдохнул он.

— Подожди меня.

Он сжал мои бёдра крепче, подался вверх, глубже, резче, и я вскрикнула. Ещё. Ещё. Узел внутри взорвался, горячий, острый, нестерпимый, и меня накрыло второй волной, ещё сильнее, чем первой. Я впилась ногтями ему в плечи и услышала, как он хрипло, надрывно выдохнул моё имя, вздрогнул всем телом и замер, прижимая меня к себе, содрогаясь в долгих, горячих толчках.

Мы лежали, не двигаясь. Я упала ему на грудь, и он обхватил меня руками. Сердце его билось у меня под щекой, быстро, сильно, постепенно замедляясь. Дождь за окном стих и снова застучал.

— Я думаю, — сказал он наконец, переводя дыхание, — что это был лучший доклад совету за всю мою жизнь.

Я засмеялась, уткнувшись носом в его плечо.

— Совет в восторге.

— Совет требует продолжения.

— Совет подождёт.

Он поцеловал меня в макушку. Мы лежали в тишине, слушая дождь и дыхание друг друга. Мне было так хорошо, что я почти поверила: весь тот шёпот, все пропуски и безымянные просто приснились.

Почти.

* * *

Он заснул первым, как засыпают люди, у которых наконец есть кому доверить свой сон.

Я лежала рядом, смотрела в потолок и слушала город. Не вещи, не ложь: просто его ровное, влажное дыхание, шум дождя по крышам, далёкий гудок баржи на реке.

И чувствовала, как что-то меняется.

Не в слухе. В глазах. Тьма в комнате становилась прозрачнее, глубже, как вода, из которой вычерпали ил. Я различала углы, подоконник, силуэт орхидеи в чёрной вазе, и ещё что-то, чему не было названия.

В ногах кровати, на тёмном паркете, стояла пустота.

Не тень: тени я бы узнала. Это был светлый, тонкий, чуть светящийся контур, как мелом по доске, как контур, оставленный на стене снятой картиной. Человеческий. Он стоял, опустив плечи и сложив руки на груди, и смотрел на нас. Очень терпеливо, очень печально, как смотрят те, кто давно ждёт и перестал надеяться.

Я не закричала. Не пошевелилась. Только лежала и смотрела, чувствуя, как в груди медленно, ледяной струйкой,

поднимается страх. Не за себя. Страх за то, что это значит.

«...ась...» — прошелестело в темноте, едва слышно, как дыхание на холодном стекле.

«...меня зовут...»

Дамиан спал рядом, тёплый, живой, ничего не слыша.

Я закрыла глаза. Открыла. Контур не исчез.

— Здравствуйте, — шёпотом сказала я.

Пустота слегка склонила голову.

И я поняла, что это только начало.

Глава 2. Берг

Утром контур исчез.

Я проснулась в семь, от солнца, которое наконец пробилось сквозь тучи и легло на подушку тёплым прямоугольником. Дамиан ещё спал, раскинув руку, и в ногах кровати был только светлый паркет, орхидея в вазе и мои вчерашние джинсы, брошенные на пол. Никакой пустоты.

Но я знала, что она там была. Ощущение осталось, как остаётся запах после ушедшего человека.

— Ты не спала, — сказал Дамиан, не открывая глаз.

— Спала.

— Лжёшь.

— Немного.

Он открыл глаза и повернул ко мне голову. Серо-голубые, ещё сонные, чуть помятые. На щеке отпечаталась складка от подушки, и это делало его моложе на десять лет. Или на шестьдесят, если считать честно.

— Что ты видела?

Я рассказала. Про контур, про терпеливые плечи, про «меня зовут», которое повисло в темноте на полуслове. Дамиан слушал, не перебивая, глядя в потолок, и когда я закончила, спросил только:

— Он ничего не хотел?

— Не знаю. Он просто стоял.

— Как ждут.

— Да.

Он сел, провёл ладонью по лицу, и я увидела, как в нём просыпается глава дома: не холодный, как прежде, а сосредоточенный, внимательный, с тем особенным выражением, которое появляется, когда он решает трудную задачу.

— Тебе нужно поговорить с Бергом.

— Почему с ним?

— Потому что он слышащий. Потому что он был там. — Дамиан кивнул на окно, за которым розовело небо. — Тридцать три года в камне. Если кто и знает, что значит быть безымянным, то он.

— Ему тридцать восемь лет и он только что вернулся. Я не хочу...

— Он сам просил, — сказал Дамиан. — Три недели назад Ланская передала мне записку: Павел хотел бы встретиться с Юлией Андреевной, когда ей будет удобно. Я не говорил тебе, потому что ты была занята архивом, а он, мне показалось, не торопился.

— Не молчи, — напомнила я.

— Я не молчу, я рассказываю. Просто не вовремя. — Он улыбнулся уголком рта. — Учусь.

Я бросила в него подушкой.

* * *

Павел Берг жил на Петроградской стороне, в старом доме с эркерами и чугунными балконами, на пятом этаже без

лифта.

Я поднималась по лестнице и считала ступени. Сто двенадцать. Сердце у меня стучало не от усталости: я не знала, что скажу человеку, который прожил тридцать три года в камне и вернулся таким, каким ушёл. Я вернула его. Моим голосом, на потрескавшемся граните, под шесть колоколов. И теперь шла к нему в гости, как к соседу.

Дверь открылась раньше, чем я позвонила.

— Вы хотели постучать, — сказал он. — Я услышал, как вы остановились на площадке.

Он оказался выше, чем мне помнилось по видению: худой, тёмноволосый, с красивым, чуть усталым лицом и тем особенным выражением глаз, какое бывает у людей, привыкших слушать больше, чем говорить. На нём была клетчатая рубашка с закатанными рукавами и вытертые джинсы, которые явно купили только на прошлой неделе. На руках, длинных, тонких, музыкальных, не было перчаток.

— Юлия Андреевна. — Он улыбнулся, и улыбка у него вышла неожиданно мальчишеской. — Входите. Простите за беспорядок. Лариса говорит, что у меня его нет, а я всё равно извиняюсь. Привычка.

Квартира была маленькой: две комнаты, кухня с видом на глухую стену и крошечная прихожая, в которой с трудом разошлись бы двое. Но в ней было что-то, что я не сразу смогла назвать. Чистота. Не уютная, не домашняя: музейная. Всё стояло так, как в тот день, когда хозяин вышел за дверь и

не вернулся. Чашка на кухонном столе. Журнал на подоконнике. Очки на раскрытой книге. Тридцать три года никто не двигал ничего.

— Она не позволила прикасаться, — сказал Павел, увидев мой взгляд. — Лариса. Сначала не позволила, потом сама боялась. Нанимала уборщицу, велела вытирать пыль, не передвигая вещей. Сохраняла. — Он тихо усмехнулся. — Я вернулся в музей самого себя. Иногда смотрю на эту чашку и думаю: я ведь, наверное, из неё что-то пил в то утро. Что? Не помню.

— Вам тяжело здесь?

— Нет. — Он помолчал. — Странно. Но не тяжело. Лариса говорит, что можно переехать. Я пока не хочу. Мне нужно привыкнуть к тому, что мир идёт дальше, а я остался.

Мы сели на кухне. Он налил мне чаю, неловко, держа чайник обеими руками, как человек, давно не делавший этого, и я заметила, что он смотрит на мои руки.

— Вы без перчаток.

— Давно.

— Ксения шила мне перчатки. В восемьдесят шестом. — Он кивнул на комод в углу, где в стеклянной коробке лежала пара тёмно-серой кожи, аккуратно сложенная, как музейный экспонат. — Я носил их до самого дня, когда меня взяли. Лариса сохранила. Я надел раз, когда вернулся. Не помогло.

— Не помогло?

— Не нужны. — Он слегка улыбнулся. — Я слышу и без

них. Не знаю, что со мной сделал камень, но перчатки больше ничего не меняют.

Я не сразу поняла.

— Они у вас с восемьдесят шестого?

— С восемьдесят шестого. Мне было тридцать один. Нас всех нашла Ксения: меня, Веру, ещё нескольких. И всем сшила перчатки, потому что знала: мы слышим. — Он помолчал. — Но я не любил их носить. Говорил, что мне мешает.

— Вам нравилось слышать.

— Нравилось. — Он посмотрел на свои тонкие, красивые руки. — Я настройщик роялей. Был им и остался. В этом смысле нам с вами проще, Юлия Андреевна: мы оба слушаем то, что другие не замечают. Вы пропуски, я расстроенные струны.

В соседней комнате стоял рояль. Старый, чёрный, лакированный, с поднятой крышкой, и я вдруг заметила, что на нём ни пылинки.

— Вы играете?

— Только для себя. — Он встал. — Хотите послушать, что я слышал в камне?

— Хочу.

Он сел за инструмент и положил руки на клавиши. Не заиграл: нажал один аккорд, тихий, глубокий, незаконченный. Потом второй. Третий. Они не складывались в мелодию, но между ними оставались паузы, огромные, живые, плотные,

как воздух перед грозой.

— Вот так, — сказал он. — Там не больно. Там не страшно. Там... слышно. Очень много. Я лежал на плите и слышал всё. Как они поют. Как пустота пахнет. Как в камне, под нами, живут голоса. Не наши. Другие. Старые, очень старые. Они не звали. Просто были.

— Безымянные.

— Вы их так зовёте? — Он слегка наклонил голову. — Хорошо. Я думал, у них вообще нет слова.

Он заиграл ещё один аккорд, и я вдруг поняла, что слышу его иначе: не ушами, не слухом, а тем самым новым зрением, которое просыпалось во мне. За каждым звуком на мгновение вспыхивал светлый контур. Тонкий, едва заметный, и сразу таял.

— Вы тоже видите их, — сказала я.

— Не вижу. Слышу, где их не хватает. — Он убрал руки с клавиш. — Это разница. Когда вы вернули меня, вы читали имена. А тех, чьи имена никто не помнит, назвать нельзя. Они остались. Там. И шепчут, когда слышат тех, кто может услышать.

Я слушала его, а в груди росла холодная, тяжёлая, знакомая тревога.

— Сколько их?

— Не триста, как вы думали. — Он сказал это очень тихо. — Круг питается не только в девяносто третьем. Каждые тридцать три года. Шестьдесят, двадцать седьмой, восемь-

десят первый до того... Сколько веков, никто не считал. Вы вернули тех, кого помнили. Но сотни и сотни остались без имён.

— Я не смогу назвать их.

— Не сможете. — Он кивнул. — Круг не откроет их имён никому, кроме Хранителя. А Хранитель, — он замолчал, подбирая слова, — не может уйти, пока кто-то не сменит его.

Мне показалось, что в кухне стало холоднее.

— Бабушка.

— Ксения. — Он повернулся ко мне на банкетке. — Она осталась по собственной воле, Юлия Андреевна. Она единственная, кто мог. Если бы она ушла, Круг открылся бы тогда, в девяносто третьем, и не закрылся бы никогда. Она держит его тридцать три года. Теперь, когда он просыпается снова, ей понадобится смена.

— Я.

— Вы первая, о ком подумаю. — Он покачал головой. — Но не вы. Я не позволю. Слышите? Ни Лариса, ни Дамиан, ни Ольга, ни Ксения не позволят. Это неправильно: пять человек платят за то, что должен делать один. Должен быть другой способ.

— Какой?

Он долго молчал.

— Вы архивист, — сказал он наконец. — Подумайте. Пропуски — это тоже запись.

Я смотрела на него, и вдруг что-то в голове щёлкнуло. Как

щёлкает ключ в замке, который долго не поддавался.

Пропуски. Не только пустые места: следы. Всё, что осталось от тех, кого стёрли: пустая полка, неосвещённое окно, скамейка без хозяина, номер дома, которого нет. Они не исчезли без следа. Они оставили форму.

А форму можно прочесть.

* * *

Пал Палыч выслушал меня стоя, с чашкой чая в одной руке и описью в другой, и когда я замолчала, поставил чашку на стол так осторожно, словно она могла разбиться от радости.

— Реестр пропусков, — сказал он.

— Вы думаете...

— Юлечка, я сорок лет составляю описи. — Он снял очки, протёр их краем жилета и надел обратно. — И знаете, чему меня научил архив? Что настоящие следы остаются не там, где пишут, а там, где стирают. Всё, что вырезали ножницами, оставляет форму. Всё, что замазали, оставляет углубление. Всё, что выкинули, оставляет пустую полку. Круг украл людей, но не мог украсть всё, что вокруг них.

Он достал из ящика стола толстую тетрадь в клеёнчатой обложке, открыл на чистой странице и аккуратно разлиновал её тонким карандашом на пять столбцов. Я смотрела, как у него дрожат пальцы, и понимала, что он счастлив. Тихим, строгим счастьем человека, которому наконец дали настоящую работу.

— Место, — продолжал он, выписывая заголовки. —

Год предполагаемого пропуска. Форма пустоты. Косвенные документы. Предполагаемое имя. Видите, Юлечка, пятый столбец мы будем заполнять в самую последнюю очередь. Сначала нужно найти всё остальное.

Мы начали с того, что ближе. С парадной на Фонтанке, с окна, которого не было. Я нарисовала план лестничной площадки, отметила пропуск красным, и Пал Палыч, нахмурившись, достал с полки толстый том: домовые книги по Центральному району. Листал он быстро, как люди, которые давно знают, где что лежит.

— Дом шестьдесят четыре, — бормотал он. — Построен в тысяча девятьсот двенадцатом. Квартиры на втором этаже: двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая. Окно, которого вы не видите, должно быть в двенадцатой.

— Кто там жил?

— В пятьдесят восьмом... — Он остановился, провёл пальцем по строке. Потом ещё раз. Лицо у него стало очень внимательным. — Здесь пусто.

— Пусто?

— Не совсем. — Он подвинул книгу ко мне. — Смотрите.

На странице, в графе «Фамилия, имя, отчество», где должна была быть запись, зияла серая пустота. Не стёртая, не замазанная чернилами: просто пустая, и бумага в этом месте казалась чуть светлее. Как плесень, которую вытерли, но не до конца.

— Нужен косой свет, — сказал Пал Палыч.

Он принёс из подсобки лампу на гибкой ножке, выключил верхний свет, и мы остались вдвоём в полутёмной комнате, склонившись над книгой. Он направил луч почти параллельно странице, так, что каждая бороздка на бумаге превратилась в маленький хребет.

И я увидела.

Под пустой строкой, на самом дне бумажного волокна, лежал след. Тонкий, продавленный, невидимый при обычном свете: как отпечаток на воске. Кто-то когда-то писал на предыдущем листе с такой силой, что перо вдавило буквы в страницу ниже. Потом верхний лист вырвали или стёрли, а вдавленные штрихи остались.

— «А»... — прочитала я шёпотом. — «Н»... «Т»...

— «Антонина», — подхватил Пал Палыч. Голос у него сел. — Видите? Дальше «Б». «Борисовна». А фамилия... — Он наклонил лампу ниже. — «К». «Р». «А»... «Кравец». Кравец Антонина Борисовна.

Мы замолчали.

Потом он очень осторожно, почти благоговейно, закрыл книгу и положил ладонь на обложку.

— Двенадцатая квартира, — сказал он. — Пятьдесят восьмой год. Антонина Борисовна Кравец. Двадцать пять лет, судя по налоговой записи, которую мы найдём завтра. Машинистка. — Он помолчал. — Я бы хотел, чтобы кто-нибудь так искал меня. Через шестьдесят лет. С лампой.

У меня защипало в глазах.

* * *

Мы пришли на Фонтанку в сумерках, когда зажглись фонари и по тёмной воде поплыли золотые отражения.

Парадная была та же, что утром: чугунные перила, стёртые ступени, запах кошек и старого дерева. Пал Палыч остановился на втором этаже, на площадке, и я встала рядом, лицом к стене, где должно было быть окно.

Там, в штукатурке, спокойно и холодно светилось пустое место. Прямоугольник на уровне глаз, чуть светлее остальной стены. И внутри, едва заметный, тот самый контур: молодая женщина, стоящая у окна, опершись рукой о подоконник. Я различала волну волос, линию плеч. Она смотрела на улицу, которую давно никто не видит.

— Вы готовы? — тихо спросил Пал Палыч.

— Нет.

— Я тоже.

Я закрыла глаза. Нашла внутри те восемь нот, что записала Алина, и запела их про себя: вдох, три, выдох, пять. Потом положила обе ладони на холодную штукатурку.

Стена молчала. Но под ней, очень глубоко, что-то слушало.

— Антонина Борисовна Кравец, — сказала я вслух.

Голос разошёлся по парадной и вернулся эхом.

— Антонина Борисовна Кравец. Двенадцатая квартира. Пятьдесят восьмой год. Машинистка. Вас ждут.

Тишина.

Потом стена под моими руками потеплела. Не быстро: медленно, как нагревается камень под солнцем. Светлый прямоугольник дрогнул и начал темнеть, превращаясь в окно: сначала в тонкую раму, потом в стекло, потом в видимый кусок вечернего неба. Рядом с ним проступила дверь с цифрой «12» на латунной табличке.

И дверь открылась.

На пороге стояла женщина лет двадцати пяти, в бежевом платье с белым воротничком, в тёмном жакете, с потёртой хозяйственной сумкой в руке. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, на носу след от очков. Она моргнула, глядя на меня, потом на лампу на площадке, потом на Пал Палыча, и тихо, очень растерянно сказала:

— Простите. Я, кажется, задержалась.

Пал Палыч судорожно вдохнул. У него по щекам катились слёзы, и он даже не пытался их вытирать.

— Какое сегодня число? — спросила Антонина.

— Двадцать третье апреля, — сказала я. Голос не слушался. — Две тысячи двадцать седьмого года.

Она медленно опустила сумку.

— Я ушла за хлебом, — произнесла она. — В марте пятьдесят восьмого. Было так холодно. И мне показалось, что кто-то идёт за мной...

Она не договорила. Просто стояла, глядя на свои руки, потом на потолок парадной, на стены, на облупленную краску, на всё, что изменилось и осталось прежним.

— Вы меня вернули, — сказала она наконец. Не вопрос.

— Да.

— Спасибо.

Она слабо, робко улыбнулась. Потом вдруг покачнулась, и Пал Палыч, бросившись вперёд, подхватил её под локоть, неожиданно ловко для своих семидесяти двух.

Пока он усаживал её на ступеньку, я стояла и пыталась понять, что у меня забрали. Каждое имя берёт плату. Я знала это. Я сосредоточилась: бабушкино лицо, улица с липами, вкус вишнёвого варенья, цвет маминых глаз, которого у меня и так не было... всё на месте.

Но чего-то не хватало. Совсем мелкого. Я искала долго, пока не поняла: имя кошки, жившей в соседнем подъезде нашего дома в детстве. Рыжей, толстой, с обгрызенным ухом. Я кормила её колбасой из бабушкиных запасов, и бабушка делала вид, что не замечает.

Я помнила кошку. Не помнила, как её звали.

Это было такое маленькое, что я даже не стала расстраиваться. Только чуть-чуть, про себя.

— Вы не первая, — сказала вдруг Антонина.

Я обернулась.

Она сидела на ступеньке, прислонившись к перилам, и смотрела на меня бледными светлыми глазами, в которых уже начинало проступать понимание.

— Не первая, кто пришёл. Я слышала. Там, внутри, — она слегка повела рукой, — там слышно всё, что происходит

снаружи. Сначала слышно плохо. Потом лучше. Последние недели люди приходят к нам. Ходят по домам, по подъездам. Ищут пустые места.

— Какие люди?

— Один. — Она нахмурилась. — Молодой. Вежливый. Он ходит по пропускам с блокнотом и записывает. Говорит нам через стены: «Я могу вернуть вас всех. Если вы согласитесь». Он носит светлые ботинки.

Пал Палыч замер.

— Согласиться на что? — спросила я.

— Подписать бумагу. — Антонина выпрямилась. — О передаче голоса. Что когда вернёмся, голос будет принадлежать хору. Он говорил, что хор вернётся, большой, на весь город, и тогда всем будет хорошо. Больше не нужно никому лгать, больше не нужно никого бояться. — Она слегка покачала головой. — Мне что-то не понравилось. Я не стала. Я так и сказала: «Подумаю».

— А другие?

— Многие подписали. — Она посмотрела на меня прямо. — Они очень устали ждать.

У меня внутри всё сжалось.

Игнат. Не Ланская, не Рассвет: Игнат, которому после роспуска хора некуда было идти. Он ходил по пропускам, как я, но с другой целью. Он собирал голоса.

— Сколько? — спросила я.

— Не знаю. — Антонина слегка пожала плечами. — Мно-

го. Может быть, сотня. Может, больше.

На лестнице было тихо. Где-то далеко, за стеной, женский голос включил радио. Играла какая-то старая песня, обыкновенная, домашняя, из тех, что звучали по вечерам в шестидесятые, и Антонина вздрогнула.

— Это ведь «Утомлённое солнце», — прошептала она. — Моя мама её пела.

Пал Палыч наклонился и тихо сказал:

— Идёмте. Я вас устрою. У меня дома есть свободная комната. Нужно подумать, как вам... оформить паспорт.

Она посмотрела на него с таким доверием, что мне пришлось отвернуться.

Я вышла на улицу, на набережную, где пахло рекой и весной, и достала телефон. Дамиан ответил на первом гудке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.